

Александр Наумов

СПЕЦЗОНА ДЛЯ БЫВШИХ

Александр Викторович Наумов

Спецзона для бывших

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3914615

Наумов А. В. / Спецзона для бывших.: Время; Москва; 2012

ISBN 978-5-9691-1013-7

Аннотация

Дело казанских полицейских-садистов, от рук которых погиб задержанный, всколыхнуло российское общество. После него всего лишь за месяц в стране было возбуждено еще минимум двадцать пять уголовных «пыточных» дел. Такими темпами иркутская «тройка» – до недавнего времени единственное заведение строгого режима среди шести российских колоний для бывших сотрудников силовых структур – еще не пополнялась. Сюда, подальше от Москвы, привозят отбывать наказание осужденных по самым громким делам: убийц, спятивших службистов, открывших огонь по случайным прохожим, налетчиков, крупных взяточников. Бывший начальник пресс-службы Главного управления федеральной службы исполнения наказаний по Иркутской области Александр Наумов получил возможность поговорить с этими людьми «из-под погон», как они сами себя называют. Их имена и фамилии изменены. Остальное – как в жизни.

Содержание

От автора	4
Глава первая	10
Сокамерники и сослуживцы	10
В отряде убийц	17
Странная история Мурашова	29
Глава вторая	33
Суд в Лефортово	33
По дороге в ад	41
Труп на обочине	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наумов А. В.

Спецзона для бывших

От автора

Герои этой книги на самом деле антигерои. Они отбывают наказание за особо тяжкие преступления в колонии строгого режима для бывших сотрудников силовых структур.

...Старшина патрульно-постовой службы расстрелял из табельного пистолета четверых прохожих. Убийцу приговорили к 25 годам заключения.

– Вы журналист? – спросил он меня. – Записывайте: человека очень легко убить. Достал пистолет, и – бах-бах! – убил. Совсем просто.

А затем выдал шокирующую подробность:

– Я только свои ботинки потом вытер: мозги убитых разлетелись в стороны.

Другой осужденный, бывший майор, издевался над женой. Сначала душил ее голыми руками, потом стукнул по голове гантелью, затем еще диском от штанги, а напоследок затянул на ее шее веревку. Потом затолкнул тело в спальный мешок, отнес в машину и увез в лес, где и закопал труп. Суд приговорил его к 12 годам лишения свободы.

– Почему так много дали? – почти искренне возмущается

он. — Я никакой не монстр, я совершенно нормальный человек. — И потом добавляет: — Я ведь... любил жену!

Есть такое выражение: «Тюрьма тоже чему-то учит». А учит ли? Уйдя в самоволку, солдат-срочник прихватил автомат, совершил разбойное нападение, взял заложников. Сразу три группы захвата окружили его. Он стал по ним стрелять, ранил двоих. В воздух поднялся вертолет с группой собровцев, но солдат-беглец — невероятно! — подбил вертолет. А потом, как в кино, последний выстрел в себя. Аккурат в голову. Однако выжил, долго лечился и в колонию попал со второй группой инвалидности.

Сегодня его левое полушарие защищает не костная ткань, а пластмассовая полусфера, прикрытая кожей. Один глаз не видит. Половина лица парализована. Речь прерывистая.

Спрашиваю его, зачем же он пошел в злополучную самоволку. Отвечает:

— Да нужно было решить свои вопросы.

А потом, немного подумав, сообщает:

— До конца всего не решил. Как выйду из колонии, надо будет снова идти. Доделывать.

А ведь в таком самоубийственном упрямстве испокон веку и заключалась вся житейская философия русского мужика, которому если «втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттуда не выбьешь».

Сотрудник ППС задумал угнать машину, загруженную водкой. Вышел на обочину, взмахнул жезлом. Грузовик

остановился. Ничего не подозревавшему водителю было приказано пересест в служебный уазик, где находились еще трое участников преступной группы.

На свое счастье, водитель сумел вырваться, добежал до ближайшего поста ГИБДД, и была поднята тревога. «Оборотней в погонах» вскоре поймали. В свое оправдание они говорили:

– Ну а как еще жить? В наше-то время. Цены на все растут. А нам семьи кормить надо.

Как говорится, вот еще два русских вопроса: кто виноват и что делать?

Капитан Вооруженных сил, приняв в гостях «сто грамм», избил хозяина квартиры, а потом сбросил обмякшее тело с балкона четвертого этажа.

– Только не подумайте, что я какой-то отморозок, – поясняет бывший капитан. – Я в жизни не ударил ни кошку, ни собаку.

Каждый получивший срок пытается оправдаться: то ли бес попутал, то ли... начальник.

Находившийся при исполнении сотрудник отдела вневедомственной охраны совершил грабеж века, обчистив хранилище в коммерческом банке. Через три дня его поймали. Деньги вернули пострадавшим, а грабителя отправили в спецколонию. Отбывая срок, осужденный катит бочку на бывшего начальника:

– Он все время ко мне придирался по пустякам, но я ото-

мстил: его сняли с должности после ограбления банка.

С конца девяностых тема «оборотней в погонах» будоражит российское общество.

Вопрос исследуют аналитики. Появляются статьи в газетах, сюжеты на телевидении.

Но сами преступники остаются за кадром, проблема – в повестке дня, а тема – по-прежнему не раскрыта. О преступниках в погонах пишут либо по материалам уголовных дел, либо со слов тех, кого привлекают к раскрытию подобных преступлений.

В этой книге приводится взгляд на проблему с «другой колокольни» – точка зрения самих осужденных. Бывший сотрудник спецслужбы на вопрос о том, что же толкнуло его нарушить закон, восклицает:

– А вы знаете, если один раз переступишь черту, то потом тебя уже ничего не удержит! – И добавляет: – Криминальный мир тоже пытается повышать квалификацию. Взять нож или пистолет и помахать ими в воздухе – это уже примитивно. Сейчас все больше ценится техника совершения преступлений. И бандиты специально ищут знакомства с сотрудниками правоохранительных органов.

Имена и фамилии в книге изменены.

Все высказывания обитателей спецзоны приводятся без адаптации под каноны литературного текста.

Осужденным я задавал одинаковые вопросы: о жизни до приговора, первом дне заключения, специфике отбывания

наказания в колонии для б/с – бывших сотрудников.

– У нас в зоне отмечаются все военные праздники: День ВДВ, День пограничника, День Морфлота, – говорит один осужденный. – Потому что здесь сидят бывшие военные.

Другой осужденный, разжалованный опер, утверждает, что в колонии много порядочных людей:

– Вы можете не поверить мне. Я тоже не верил, когда раньше, по работе, сталкивался с такими случаями, если один за другого говорил: «Он там отсидел семь лет, он человек порядочный». А у меня не укладывалось в голове: как порядочный человек мог отсидеть в тюрьме? – И сам же объясняет этот парадокс: – Наверное, мы можем быть нормальными только тогда, когда у нас все плохо. – После чего выдает сентенцию: – Я даже скажу так: у меня круг общения с нормальными людьми в колонии шире, чем был на воле.

Ему вторит другой осужденный:

– Если человек попал в тюрьму, это еще не значит, что он какой-то моральный урод, что нет у него ни чести, ни совести, ни родины. – И совсем неожиданно: – Ведь чтобы совершить преступление – надо иметь определенный характер. Преступление – это поступок, из-за которого будешь страдать.

Герои книги – люди из прошлого, многие за решеткой с девяностых. По этому поводу один из обитателей спецзоны говорит:

– В отряде мы газеты читаем, телевизор смотрим, следим

за новостями. Стараемся быть в курсе всех событий. Но все равно отстаем от жизни, помаленьку деградируем. – И далее: – Кого недавно посадили, их привозят в зону, начинаем с ними общаться, они спрашивают: «Ты откуда, парень, вообще свалился?» Начинаю объяснять ему, что я сижу с прошлого века. Что я уже – мамонт!

История знает, что случилось с мамонтами. Пока эта рукопись готовилась к печати, одного из героев книги не стало. Но это уже совсем другая история.

Глава первая

«Погоны к плечам не гвоздями прибиты»

Сокамерники и сослуживцы

На рабочем столе Ефрема Мурашова необычное издание – словарь уголовной лексики. На внутренней стороне обложки – надпись: «Ефрему Леонидовичу для расширения и без того широкого кругозора в этой области». Ниже чья-то размашистая подпись и дата: 09.03.93.

– В свое время эту книжку мне подарил прокурор области, – говорит Ефрем, долго смотрит в окно и тяжело вздыхает. – Разве мог я тогда предположить, что уголовный жаргон придется изучать не по книге. А на строгом режиме. Сменив костюм на робу с биркой.

Мурашов занимал должность помощника прокурора в одной из районных прокуратур в Забайкалье. Однажды к нему пришли «лица в штатском» и предложили поехать вместе с ними.

– Они показали мне свои красные корочки, проводили в машину и отвезли в следственный изолятор.

Неделю его держали в одиночке, а когда решили переве-

сти в общую камеру, приготовили «сюрприз».

— В камере находилось двадцать два человека. Среди них замечаю несколько знакомых лиц, начинаю перебирать в памяти, где же раньше встречал их... Как вдруг — гром среди ясного неба! — отчетливо сознаю, что троих заключенных в свое время я сам отправил в тюрьму, — сказав это, Ефрем морщится, словно от зубной боли. — Все трое — бывшие милиционеры, которых я самолично арестовывал. Ситуация?! Ну, думаю, двум смертям не бывать...

Первое, что он услышал, было: «Раздевайся!»

Замешкавшись, он стал блуждать взглядом по сокамерникам. Пытаясь разглядеть в их лицах серьезность намерений. Как вдруг услышал новый приказ: «Труссы тоже не забудь снять!»

Потом один из заключенных подбежал к нему и стал внимательно оглядывать с головы до ног. «Все чисто, вшей нет», — подытожил осматривавший.

Новичку разрешили одеться.

...Скомкав мысли, Ефрем смотрит в окно, за которым — гнетущий пейзаж колонии. Серые стены, подпирающие такие же серые крыши. Полоска асфальта вдоль выбеленного забора.

— Кто знает, как человек поступит в той или иной ситуации, — медленно произносит он, отворачиваясь от окна. — Вон Леха в первый день чуть драться не полез... Алексей! Расскажи журналисту про свой первый тюремный день.

Высокий скуластый парень нехотя откликается:

– Чего рассказать-то?

У бывшего спецназовца Алексея есть орден Мужества, привезенный с чеченской войны. Сообщив об этом факте, Мурашов счел нужным пояснить:

– Судья сказала ему на суде: «Ты привык убивать на войне! Ты стал убивать и потом, вернувшись домой!» Верно, Алексей, привык ты убивать-то? – последние слова Мурашов произнес с особенной интонацией, очевидно, намекавшей на какой-то прежний разговор.

– Но это же не так, – скрипя зубами, выговаривает Алексей и в подтверждение слов припечатывает тяжелый кулак к столу. – Не так все было...

– У всех не так, – миролюбиво поддакивает Ефрем.

Его напарнику сидеть в зоне двадцать лет. Отвлекая от мыслей, клином застрявших в мозгах, Ефрем переводит разговор на другую тему.

– Ты лучше вспомни, как тебя встретили в СИЗО. Вшей искали?

– Искали.

– Ну?

– Чего «ну»?

– Как искали?

– Да никак.

Мурашов уже начал выходить из терпения.

– Ты не темни, Алексей, ты же мне рассказывал. Значит,

когда тебя втолкнули в камеру и закрыли за тобой дверь, ты слышал разговор двух эков. Верно? О чем они говорили?

– Один сказал другому: «Пробей новичка!»

– Камера была большая?

– Нары в три ряда...

– Что было дальше? – не унимается Мурашов.

– От стены отошел какой-то человек. И пошел на меня.

– Ну а ты что?

– Я подумал, что сейчас будут насиловать. И принял боксерскую стойку.

– Во как! – Ефрем с неподдельным восхищением посмотрел на бывшего спецназовца, потом повернулся в мою сторону. – Ну откуда же ему было знать, что на блатном жаргоне слово «пробить» означает «проверить»?

– На меня тут же закричали: «Ты чего, мужик?» – пояснил Алексей. – Понятное дело, что драться со мной никто не собирался.

– Так это ты только сейчас понял? – с иронией переспросил Мурашов и даже присвистнул. – Плохи твои дела, Леха, плохи. Для такого тормоза, как ты, время в колонии покажется вечностью.

– Угомонись, Леонидыч...

– Я-то угомонился, а вот ты... – и Мурашов на мгновение задумался. – Сходи-ка, Леша, на свежий воздух, мне с человеком поговорить надо.

Перед тем как пойти во двор колонии, Алексей счел нуж-

ным завершить свой немногословный рассказ:

– Тот человек, что приказал проверить меня, потом сказал: «Оставь его», то есть меня в покое приказал оставить. Вот и вся проверка.

– Но учтите, – повернувшись ко мне, пояснил Мурашов, – если в камере сомневаются, что новичок без вшей, его тут же стригут, кхе-кхе... с головы до пят.

Алексей вышел из помещения. В тот же момент на рабочем столе Ефрема зазвонил телефон.

– Нарядная. Нарядчик Мурашов.

Ефрем недолго слушает абонента, произносит «Сейчас, узнаю», перебирает бумаги на столе, опять откликается в телефонную трубку.

Закончив разговор, он поднимает голову и неожиданно спрашивает:

– Хотите, расскажу, за что меня посадили? У меня трое детей от первого брака, на них идут алименты. И я задумался: как жить? где брать средства? Как прокурорскому работнику мне запрещена подработка. И тогда я решил продавать свои мозги. Я стал обеспечивать правовую основу коммерческих фирм – составлять для них документы, имеющие юридическую силу. Этим самым я, возможно, нарушил служебную дисциплину, поскольку таким образом подрабатывал, но я не нарушал своими действиями Уголовный кодекс. В суде мне говорили: «Ваши расходы превышают доходы». Я соглашался и отвечал, что готов объяснить, почему так про-

исходит. И объяснял, но... Суды наши работают по принципу: «Покажи человека, и я подберу ему статью».

В очередной раз глянув в окно, мой собеседник сам себя прерывает:

– На обед пошли.

За окном тянется процессия осужденных. В общей колонне их роботы сливаются в одну черную массу,двигающуюся живой рекой.

Я смотрю на часы.

– Не волнуйтесь, мне торопиться некуда. Я никуда не пойду, – говорит Мурашов. – Я обедаю здесь, в нарядной, мне разрешают. Сам готовлю, вот плитка. У меня, знаете ли, желудок... И что они там, в столовой, приготовят – это еще вопрос, гм... вопрос жизни и смерти, кхе-кхе... подсыплют чего-нибудь...

– Подсыплют? В самом деле?

– Да нет, это я так сказал.

– Слово не воробей...

– Согласен.

– Вас пытались отравить?

– Меня пытались убить. Здесь, в зоне. Специально этапом заслали сюда человека...

Сделав паузу, он продолжил:

– Вы знаете, на второй день, когда я попал в следственный изолятор, мне сообщили, кто из криминальных авторитетов контролирует СИЗО. И мне сказали: «Смотрящий за

централом в курсе твоего дела». В том смысле, что криминальная среда не будет мне мстить как бывшему сотруднику правоохранительной системы. А мстить стали совсем другие структуры...

В отряде убийц

Живая река за окном потекла в обратном направлении – первые отобедавшие осужденные возвращались в свои отряды.

Глянув в окно, нарядчик воскликнул:

– Ну что, пойдем. В десятый отряд. Если хотите.

Нарядчик Мурашов выполняет распоряжение «гражданина начальника», который поручил ему показать зону.

Десятый отряд – простойный, или невыводной: обитателям десятого отряда не разрешают работать. Здесь сидят за особо тяжкие преступления, осужденные на большие сроки.

– Слушай, – обращается Мурашов к дневальному, – нужно кого-нибудь поразговорчивее... вот, журналисту показать – пусть побеседует, расскажет о своем деле...

Нарядчику можно ходить по территории всей зоны. Среди других осужденных, лишенных такой привилегии, он чувствует себя хозяином положения.

– Поразговорчивее? Сейчас найдем... кого-нибудь... найду, конечно, найду, – торопливо повторяет дневальный. – А вы пока проходите сюда, в помещение, проходите...

Мы заходим в тесный квадрат помещения для служебного пользования. Стол, табурет, лавка. На стенах – картинки с полуобнаженными красотками.

– Чай будете пить? – суетится дневальный.

Я отказываюсь, Мурашов неопределенно хмыкает.

– А? Нет? – продолжает дневальный. – Ну, тогда я вам другое предложу, погодите немножко...

Он скрывается в дверях, но уже через минуту опять появляется на пороге, в руках – две кружки.

– Угощайтесь, пожалуйста.

Мурашов молча берет кружку, я снова отказываюсь.

– Да это же сок! – восклицает дневальный.

Стакан сока в зоне – роскошь большая, тем более в невыводном отряде. Брикет сока – это покупка в ларьке. На деньги, которые можно снимать с личного счета. Простойная бригада не работает, деньги на личный счет не идут... Брикетик сока могли прислать только в посылке из дома.

Я смотрю на Мурашова. Он пьет сок с таким невозмутимым видом, словно этот стакан – своеобразная дань нарядчику.

– А знаете, за что я на самом деле попал в колонию? – вдруг спрашивает меня Мурашов. – Обвинили меня в получении взятки! Которой я не получал...

Но договорить Мурашов не успевает.

– Вызывали? – в помещение заходит мужчина лет тридцати.

Руки вытянуты по швам. На голове «американское» кепи с большим козырьком.

Предлагаю ему присесть и рассказать историю своего преступления.

– А что тут рассказывать, до судимости я жил в Красноярском крае...

– Ты погоди, Паша, – вмешивается Мурашов. – Лучше сразу поясни человеку: раскаиваешься?

– В чем?

– В своем преступлении.

Павел молча смотрит на Мурашова.

– Где вы работали? – спрашиваю я.

– В Управлении по борьбе с организованной преступностью.

...История Павла похожа на киношный детектив. Его арестовали вместе с членами банды, в которой он был «своим среди чужих» – внедренным агентом УБОПа.

– У меня было оружие, за которое мне впоследствии вменили статью – за незаконное хранение. Арестовали меня сотрудники УВД. Я говорил им: «Позвоните в УБОП, я сам сотрудник, работал по заданию». А мне в ответ: «Оружие было?» – «Было» – «Незарегистрированное?» – «Нет, конечно». – «Ну вот и сиди». Хотя абсурд... кто же в банде пойдет оружие регистрировать!

– И это все ваше преступление?

– Нет, это было только началом моих злоключений. Девять месяцев меня продержали в СИЗО. Экспертиза показала, что мое оружие в преступлениях, совершенных бандой, не участвовало. Я не стрелял из него. Меня выпускают на подписку о невыезде. И тут оказывается, что из УБОПа меня

уже давно уволили...

Пополнив армию безработных, бывший оперативник стал искать способ быстро поправить свое материальное положение.

– На подписку меня отпустили в сентябре, а суд был назначен на ноябрь. Мне нужны были деньги, чтобы кормить жену и малолетнего ребенка. И я стал искать способ разбогатеть. В один прекрасный день я знакомлюсь с человеком, который кажется мне во всех отношениях достойным доверия. Вдвоем мы разрабатываем план наших действий, который в скором времени претворяем в жизнь. Мы попадаем в квартиру одного коммерсанта, жену которого знал мой подельник, берем их деньги и уходим.

– А хозяйева где были?

– Муж – в своей фирме, а жена – дома.

– И она спокойно отдала деньги?

– Да нет, конечно, она... сопротивлялась.

– Что было дальше?

– Я взял нож и зарезал ее.

– Вот так запросто убил человека?

– Да почему запросто? Она очень сильно кричала, и меня это просто раздражало. Поэтому я решил покончить с ней побыстрее.

– Ты погоди, Паша, не торопись, – вдруг вклинился в разговор Мурашов. – За «просто убил» двадцать лет не дают. Следовательно, ты убил с особой жестокостью.

– Ну да, сначала отрезал язык, чтобы не кричала, потом – уши...

Мурашов даже присвистнул:

– А уши-то зачем?

– Да шутка это. Просто убил. И точка на этом.

– Как же вас поймали? – спрашиваю я.

– Попались мы по глупости подельника. Он должен был кому-то отдать большой долг. Тот человек работал в милиции, и когда подельник пришел к нему, то вернул долг, дурак, крупными купюрами – теми самыми, что мы украли. А его приятель возьми да пошути, дескать, какие большие деньги, такие же купюры недавно исчезли из такой-то квартиры... Напарник тут же побелел, затрясся весь, словом, сам себя выдал. Его взяли на понт, а он клюнул. Ну в самом деле, откуда они могли бы знать, какие купюры исчезли. Мы вообще, кстати, имитировали в квартире убийство жены ее собственным мужем. Они часто ссорились, он нередко ей угрожал, мы все это знали... и я сказал подельнику: «Бери только деньги. Чтобы ни одна вещь из квартиры не исчезла!» Но он, идиот, стянул еще кольцо, снял с трупа. Потом кольцо нашли у него дома, и это стало уликой при обвинении... А тогда, сразу после кражи, оперативники первым делом задержали мужа, допросили как надо, и он тут же, в кабинете оперов, «чистосердечно» признался в убийстве собственной жены. Правда, он чего-то там пытался говорить о деньгах, что пропали, но о них вспомнили уже потом, позднее... когда через

несколько дней появился мой напарник в кабинете у знакомого милиционера с деньгами. Мужа выпускают из СИЗО как несостоявшегося убийцу, а нас – на его место, в камеру. Потом был суд, и мне по совокупности двух уголовных дел – ведь я совершил кражу и убийство, будучи на подписке, – так вот, дают по совокупности двадцать два года лишения свободы. Три года я уже отсидел. Если повезет, на волю выйду, когда мне будет почти пятьдесят лет.

Павел берет свою кепку, мнет ее, прижимает к груди и неожиданно говорит:

– А вообще-то я ни в чем не раскаиваюсь. Коснись сейчас, я бы, не задумываясь, все повторил. Знаете, сколько мы взяли денег? Там хватило бы на полмерседеса. И главное, что я все просчитал – мы не должны были попасться... подельник, дурак, сдал.

Сделав паузу, Павел с шумом втянул в себя воздух, обвел помещение злым, помутневшим взглядом и вдруг выдал:

– А посадить в тюрьму можно любого человека. Даже вас! Вот вы сейчас сидите здесь, беседуете, а я потом пойду и скажу, что вы пронесли в зону наркотики. И вам «докажут», что это так.

Еще раз оглядев помещение, он продолжил тему:

– Это жизнь. Раньше в милиции как работали? Мозгами. А сейчас? Кулаками!

Сжав пальцы в кулаки, он посмотрел на эти аргументы доказательной базы.

Молчавший до сих пор Мурашов усмехнулся, провел ладонью по голове, приглаживая волосы, и проговорил, глядя на Павла:

– В 1991 году приняли закон, запрещающий получать пенсию работающим пенсионерам. Взамен в милицию пришел всякий сброд, которому доверили закон.

– Вот именно, – поддакнул бывший оперативник, – раньше ветераном считали того, кто прослужил десять лет, а сегодня уже через два года стажа сотрудника называют старослужащим.

– Не в этом дело, Паша, – решительно продолжил нарядчик. – Раньше человек шел на работу и думал, как ему принести пользу обществу, а сегодня подходит с иной меркой: какую выгоду он сможет иметь от своей должности. – И уже взглянув в мою сторону, Мурашов пояснил: – Вот у нас тут сидит один бывший следователь, он брал взятки «Крузерами», и еще поучает, чем нужно брать: не деньгами, а сразу машинами, словом, новый русский следователь... И таких много.

Разжав кулаки, Павел многозначительно произнес:

– Сотрудники правоохранительной системы – это тоже преступники. Которые еще не попались.

Мурашов неопределенно хмыкнул:

– Погоны к плечам не гвоздями прибиты... А? Как думаешь, Паша? Тяжело тебе в зоне отбывать срок?

– Все познается в сравнении. Я – осужденный, а наши

охранники – свободные люди. Давай о них поговорим... Чем они лучше зэков? В чем они свободнее? Ладно, я – встаю с подъемом, ложусь по отбою, я так делаю по приговору суда. А он, охранник, после смены идет домой, ну, пообщался с семьей, а что дальше... дальше – ночь, утром – опять зона, он тоже живет по расписанию. Я это к тому говорю, что сотрудник колонии такой же несвободный человек, как зэк. Если повезет, я когда-нибудь выйду отсюда, а он – никогда...

– Ты не перегибай, Павел, – досадливо оборвал нарядчик. – Одно дело – сидеть в зоне, другое – работать в ней. Тебе за то, что сидишь, платят? Нет. А ему платят... Вопрос же в том, что зарплата не такая большая и не всегда регулярная. Вывод? Сотрудник зоны может быть неудовлетворен своим социальным положением. А это значит, что от своей должности он тоже может искать выгоду, о чем я уже говорил. Он идет к осужденному и просит, например, отремонтировать ему обувь. Понятно, что в зоне есть обувной цех, зэку нетрудно выполнить – он соглашается, ремонтирует. Офицеры тащат обувь из дома, не сознавая, что они уже попадают в зависимость от осужденных, не напрямую, а косвенно. Выступают в роли просителей. Зэку это льстит, он понимает, что может воспользоваться этим, тоже о чем-нибудь попросить. А тому неудобно отказать, это уже неуставные отношения. Тьфу, ты, прости господи, за державу обидно! Когда сотрудник колонии идет за зэком и несет его баулы. И такое бывает! Но вот о чем я подумал: при хорошей и регулярной

зарплате разве пошел бы сотрудник в зависимость к ээку?

На пороге показался дневальный.

– Ну что, поговорили? Кого-нибудь еще пригласить? – немного замешкавшись, он предложил очередного кандидата на собеседование. – У нас тут сидит бывший преподаватель из Ленинграда. Одно время работал в Америке. Потом вернулся в Россию и устроился в милицию. Интересный человек, дает осужденным частные уроки английского языка... Могу позвать?

– Если тот согласится, – подсказал нарядчик. – Погоди, впрочем... Сколько лет ты в колонии?

– Два года, третий идет...

– А сколько в органах проработал?

– Год в уголовном розыске.

– До милиции чем занимался?

– Был водителем.

– За что вас осудили? – спросил я.

– После работы зашел в бар, выпил пива, ко мне подсели двое...

– Ваши приятели?

– Нет, совершенно незнакомые люди. Выпили. Один предложил поехать на его дачу, продолжить «банкет». Вызвали такси, сели, сразу заплатили. Выехали за город, хозяин дачи сказал: «Останови здесь». И в тот же момент прозвучал выстрел. Водитель повалился набок. Убийца вытащил его из салона и предложил добить, стреляя по очереди. Передал

«пушку» подельнику, и он тоже выстрелил в таксиста. А потом пистолет дали мне: «Стреляй». Ну что я мог сделать? Либо стрелять, либо лечь рядом с водителем. Я выстрелил.

– Какой вам срок дали?

– Шестнадцать лет. Хотя на суде я заявил, что у меня не было причины убивать этого человека. Но мне сказали, что я избрал выгодную позицию, чтобы уменьшить вину. Однако я признал, что стрелял. Так в чем же я хотел уменьшить вину?

– Ладно, зови своего «американца», – включился в разговор Мурашов.

Через несколько минут в помещение зашел тщедушной внешности, совсем невысокий молодой человек и сразу ввел меня в курс дела.

– Девятнадцать лет сроку. За убийство. Убил чиновника мэрии Санкт-Петербурга, я его... затоптал!

– В каком смысле?

– Мы изрядно выпили, я работал в мэрии переводчиком. Он просто валялся, пьяный, на полу, я его запинал до смерти.

– Зачем?

– А у меня негативное отношение ко всем этим сексуальным меньшинствам, их надо вешать на первом суку. Он был одним из них.

– Почему же вы с ним пили? Если так ненавидели.

– Это уже другой вопрос. Там пить больше не с кем.

– Где, в мэрии?

– И в мэрии тоже. Я работал одновременно в мэрии и университете, преподавал американскую литературу, так половина студентов у меня были педерастами, детки богатых родителей... Они даже ездят на каникулы в Швецию и регистрируют там свои однополые браки.

– Неужели в Санкт-Петербурге так много «голубых»?

– Очень много, считайте, полгорода.

– И что, всех нужно убивать?

– Я же говорю – был пьян. На суде у меня был адвокат из Международной амнистии. Мои друзья из Америки...

– Из Америки?

– Да, я четыре месяца преподавал в Бостоне шекспироведение.

– И что дальше?

– Я вот и говорю, что мои друзья из Америки приехали на суд, пытались защищать меня. Оказалось, бесполезно. Десять лет за убийство педика! Впрочем, меня не волнует, что посадили. Срок большой – вот что волнует. Я был не готов к такому сроку. Вот если бы раньше меня посадили, я бы не удивился.

– Почему?

– Потому что раньше я работал в милиции, был оперуполномоченным. И тогда, в милиции, я был готов сесть в тюрьму в любое время. У меня было три убийства при задержании, каждый раз заводили дело... На мне было уже три трупа, и я готов был сесть. А в этот раз – нет. Случайно

все вышло. Неожиданно для меня самого, стечение обстоятельств... Впрочем, я не считаю, что сделал что-то сильно плохое. Жалко другого – времени, которое теперь идет впустую. А я хочу работать, преподавать, мне интересно живое общение, я даже написал заявление в школу при колонии, что могу вести уроки английского языка. Оказывается, нельзя. Из РОНО пришла бумага: осужденный не имеет права на преподавательскую деятельность. Странно... в законе на этот счет оговорок нет. Тем более что в суде меня не лишили права на преподавание в будущем. Обращаются осужденные, консультирую их, даю задания. У меня уже тут частным образом образовалась группа по изучению английского. А вообще, знаете, что в зоне главное? Быть самим собой. Займешь свою нишу, и тебя никто не тронет. Когда я сидел в СИЗО, ожидал от зоны чего-то ужасного. Оказывается, жить можно.

Странная история Мурашова

Оставляя убийц в отряде, выходим с Мурашовым на плац – небольшой двор перед дежурной частью. Глядя под ноги, нарядчик возвращается к прежней теме:

– Я вам недосказал, за что меня посадили.

– Вы уже говорили – за взятку.

– Да не-ет, это совсем другая история...

Растягивая в задумчивости слова, бывший помпрокурора проводит ладонью по лбу, как бы проверяя температуру.

– Только в зоне я узнал, за что попал в колонию. Из-за одного коммерсанта, которого сотрудники ФСБ припутали на связях с чеченскими боевиками. Коммерсант отказался сотрудничать с ФСБ, и тогда с него потребовали откупные, которые он отказался заплатить.

– Ну а вы тут при чем?

– У меня были вторая жена и приемная дочь, которой в 1997 году исполнилось двадцать лет. Этот коммерсант был ее женихом. Ему сказали: не заплатишь деньги – посадим в тюрьму отца твоей невесты. Он не заплатил, меня посадили, а потом он пришел к моей жене и покаялся. Оказалась темная история. Сам он чеченец. В Чечне у него остались жена и двое детей. Он уехал в Сибирь, завел свое дело. Познакомился с моей дочерью. Моей жене он, кстати, сказал, что хотел собрать откупные для ФСБ и даже обратился к че-

ченской диаспоре в Забайкалье с просьбой собрать такую-то сумму денег...

– И что же диаспора?

– Отказали. Ему ответили: «Кто тебе эта девушка? Жена? Нет! Невеста? Тоже нет». Когда моя жена рассказала все это дочери, с той случилась истерика. Потом жена приезжала ко мне на свидание и тоже все пересказала. Я, конечно, сразу не поверил, только вот... Ну действительно, при чем тут Чечня, какие-то бешеные деньги, фээсбэшники – и все это каким-то образом крутилось вокруг меня. Потом я стал сопоставлять факты. Арестовали меня фээсбэшники. Дело вел следователь ФСБ. На одном из допросов он даже назвал срок, на который меня посадят, и этот срок впоследствии совпал с решением суда. А потом произошло нечто такое... такое, что заставило меня поверить во всю эту темную историю.

Понизив голос, он продолжил:

– Я вам расскажу совсем о другом случае, на первый взгляд мало относящемся к моему делу. Я уже сидел в этой колонии больше года, как однажды сюда пришел новый этап. И один человек с этого этапа, находясь еще в карантине, просит: «Позовите Мурашова». Прихожу, вижу: совсем незнакомый парень. А он едва ли не прощения у меня просит: «Это я, Ефрем Леонидович, вашу дочь в тюрьму посадил». Как – посадил? В какую тюрьму? Я-то ничего не знаю, живя в зоне. И вот парень рассказывает, что больше года назад он вел дело моей 14-летней дочери от первого брака. Она с матерью

живет под Пензой, откуда я уехал после развода. Этап прибыл с запада, сам парень – пензенский, служил в ФСБ. Дочь арестовали за подозрение в убийстве. Называет день ареста, который совпадает с моим днем ареста в Забайкалье. Совпадение? Два ареста – отца и дочери – в один день в разных концах России! И в том и в другом случаях аресты проводили фээсбэшники. Ну что делать, поговорили мы с ним по душам. Спрашиваю, за что попал в зону. Отвечает, что три года служил в милиции, попал под увольнение, устроился в ФСБ, через год уволили за взятку. Одним словом, он сделал свое грязное дело, потом об него вытерли ноги – и выкинули.

Вздохнув, Ефрем опять потрогал лоб.

– Вот с того времени я и не хожу в столовую... всякое может быть, – глядя под ноги, он продолжил. – Не знаю, конечно, может, они рассчитывали, что я его убью. Ведь он тоже попал в эту зону неслучайно! Может, они думали избавиться таким образом от свидетеля, а меня – на новый срок...

Надолго замолчав, он, казалось, погрузился в свои мысли.

– Послушайте, – спросил я, – почему вы рассказываете мне все это?

– Почему? Если молчать, как говорят здесь «гнать» – держать мысли в себе, переживать, думать о неприятностях, то на это здоровья не хватит. Пища в зоне низкокалорийная, витаминов нет. И так на здоровье скажется. Да еще переживать, нервничать? Ни за что! О плохом в зоне нельзя думать – станет еще хуже. Можно впасть в такую депрессию, из ко-

торой потом не выйдешь. Я вам так скажу: тюрьма, конечно, это вещь нежелательная. Но если оказался здесь, то не для того, чтобы остаться, а чтобы достойно отбыть срок. Здесь свои законы.

И добавил, продолжая тему:

– Помните, я рассказывал, как встретил в СИЗО троих бывших милиционеров, которых лично арестовывал? Именно они и помогли мне адаптироваться в тюрьме. Приняли в свою семейку¹. Хорошие оказались ребята.

¹ Семейка (*жарг.*) – группа из трех-пяти заключенных, связанных между собой доверительными отношениями.

Глава вторая

Три уголовных дела, которые потрясли Россию

Суд в Лефортово

Мой собеседник явно волнуется и оттого поминутно машинально приглаживает свою тюремную робу.

– Если вы это опубликуете, будет шок, – говорит он. – Это взорвется «бомба», от которой в Москве полетят самые высокие чины!

На зону бывший полковник МУРа попал по самому громкому уголовному делу начала XXI века – делу «банды генерала Валеева». Семеро высокопоставленных сотрудников столичных правоохранительных органов обвинялись в целом букете преступлений: вымогательстве денег, перевозке наркотиков, оружия, злоупотреблении служебным положением. Всех членов организованной преступной группы приговорили к длительным срокам заключения. И вот теперь один из них утверждает: не было ни преступлений, ни самой банды. Все дело от начала до конца шито белыми нитками. Снять с постов и подвести под статьи УК сразу семерых руководителей правоохранительной системы Москвы было

чьим-то заказом.

Спрашиваю напрямую:

– Чьим заказом?

В который раз пригладив свою робу, бывший полковник Сергей Чатов решительно произносит:

– Эти люди сейчас работают в Думе!

– Расскажите обо всем по порядку.

– Меня арестовали 23 июля 2003 года. Это был обычный рабочий день. Я пришел на службу, где мне сказали: «Тебя вызывает начальник Управления кадров». Как только я зашел в его кабинет, меня прижал к стене амбал в форме омоновца, вывернул мне руки и надел наручники. Помню, я еще сказал ему: «Сынок, ты ключик-то не потеряй». Так нет ведь, сукин сын, все равно потерял...

Его отвезли в Лефортово. Там же прошло и первое судебное заседание. В специальной комнате судей и подсудимых разделяли только столы, поставленные в один ряд.

– Когда меня завели в эту комнату, то я первым делом увидел коренастого мужчину в гражданской одежде. Спросил его: «Вы кто?» Он ответил: «Я – Валеев». Я тоже назвался. Так состоялось мое знакомство с человеком, которого впоследствии называли главарем нашей «банды».

В милиции Чатов прослужил двадцать пять лет. Последняя должность – заместитель начальника одного из отделов МУРа.

– У меня агентура была одна из лучших в Москве. Мы рас-

крывали самые запутанные преступления. И я никогда никого не боялся. Потому что у нас была нормальная репутация. Если мы ловили кого, то это были такие люди... – Сергей Васильевич пытается подобрать верное слово. – Это были люди авторитетные, которые не держали обид на нас. Потому что мы действовали всегда по закону. Приведу вам такой эпизод. Проводится обыск в одной квартире. Хозяин – крупный мошенник. В какой-то момент открываем антресоль – там доверху стодолларовые купюры. И все это при открытой дверце начинает сыпаться на пол. В прямом смысле золотой дождь. Мы не поленились – скрупулезно все запротоколировали. И впоследствии ничего никуда не исчезло – ни одной купюры. Потому что если бы кто взял что-нибудь себе – он сразу бы стал изгоем, которому не место в нашем отделе.

Вспомнив о прошлой жизни, Чатов никак не может успокоиться. Вскakiвает с казенной табуретки и начинает ходить по комнате взад-вперед.

– Понимаете, мы честно работали...

Пожалуй, в нашей беседе наступил кульминационный момент. «Банду Валеева» обвинили в совершении тяжких и особо тяжких преступлений: злоупотреблениях служебным положением, перевозке наркотиков, оружия, вымогательстве денег у задержанных.

– Да не было ничего этого, – без обиняков заявляет бывший полковник. – Меня самого обокрали. Во время обыска. В служебном кабинете. Исчезли мой китель, спортивная

одежда (после работы я ходил в спортзал), пропали кроссовки «Найк». И это не всё. Как только меня и так называемых подельников задержали, то в интернете появились наши адреса, и по всем адресам были совершены кражи. Однако крупные вещи не брали. В моей квартире взяли мой паспорт, дочкину золотую цепочку и... утюг! Возможно, искали какие-то бумаги. Но и это тоже не все странности в нашем деле. После нашего ареста по Москве кто-то растиражировал книгу, где раскрыл всю нашу агентурную сеть. Что это значит? Только одно: кто-то целенаправленно «сливал» информацию про нас: адреса, агентов... Фактически это служебные данные. И этот кто-то хорошо владел всей этой служебной информацией.

Следствие длилось четыре года шесть месяцев.

– А вы представляете, что значит провести такой срок в СИЗО? – восклицает Чатов. – Это все время находишься в одной маленькой камере, где ты либо сидишь, либо лежишь. Раз в месяц парикмахерская, два раза в месяц по часу свидания, один раз в неделю – душ на пятнадцать минут. Вот все «прогулки», разрешенные распорядком дня. Через каждые полторы минуты на двери камеры открывается-закрывается «зрачок» – за вами следят круглосуточно! И все время на вас давят стены закрытого помещения, отчего развивается фобия на замкнутое пространство. Когда меня после суда наконец повезли в зону и сажали в автозак, то я первым делом посмотрел на небо и так удивился, оттого что вдруг

увидел самолет. Я даже непроизвольно воскликнул: «Смотрите, летит!»

– На суде вы признали вину?

– Да ничего не признал. Хотя и следствие, и суд очень старались доказать нашу вину. Сначала у нас были одни следователи, потом другие. Все московские следователи отказались вести наше дело, поняв, что это политический заказ. Тогда набрали следователей с периферии, пообещали всем московскую прописку. А потом их всех «кинули»...

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Дошла информация.

– Что на суде вам конкретно вменяли в вину?

– Якобы мы занимались вымогательством. Задерживали коммерсантов, возбуждали уголовное дело, а потом за деньги отпускали. Хотя в действительности по нашему делу не проходило ни одного коммерсанта.

– Тогда на чем же строились обвинения?

– Потерпевшими в нашем деле были уголовники. Один из них оказался наемным убийцей. Он был в федеральном розыске. Нам из УВД Татарстана прислали на него ориентировку. Сообщили, где он может скрываться. Два дня мы его караулили. Задержали. При нем были восемь тысяч долларов и оружие. Отправили его в ИВС². Утром его забрали опера и увезли в Питер по каким-то своим делам. Потом его осудили на двадцать лет зоны. А затем начался торг. К нему то и дело

² Изолятор временного содержания.

приезжали прокурорские и предлагали: дашь нужные показания – мы тебе сократим срок. В итоге через три года отсидки он вдруг «вспомнил», что МУР у него вымогал за освобождение пятьдесят тысяч долларов. Другим потерпевшим по нашему делу был чеченский боевик, который приехал в Москву лечиться. Нам поступила информация на него. Мы выехали и задержали его. Нашли у него пистолет, поддельный паспорт и поддельный техталон. А потом нам вменили в вину незаконное задержание. Якобы мы подкинули ему пистолет. И якобы незаконно применили наручники. Хотя ясно было, что он скрывался. Все следствие по нашему «делу» было фальсификацией от начала до конца. Следователи не знали, что с нами делать. Поэтому следствие и длилось так долго – больше четырех лет.

Тяжело вздохнув, мой собеседник выдает наболевшее:

– Я до сих пор не знаю, зачем нас посадили. Кому мы мешали? Впрочем, догадываюсь...

– Какой вам срок дали?

– Четырнадцать лет строгого режима. Это очень много. Одним из так называемых подельников по моему делу проходил мой коллега, у которого произошла страшная драма. Накануне ареста он отдыхал где-то за городом, катался на лыжах и сломал себе позвоночник. Его арестовали и тоже привезли в Лефортово, где он пролежал на койке четыре с половиной года. На суд его приносили на носилках. В итоге осудили на тринадцать лет. У меня тоже произошла траге-

дия. Через два месяца после того, как меня арестовали, погиб мой сын. На него набросились на улице хулиганы, жестоко избили. И я сам потом читал в одной из московских газет: мол, сами «оборотни в погонах» убили сына Чатова с той целью, чтобы он не смог дать в суде показания против отца. Ну не подонки ли могли все это придумать?

Перебив сам себя, Сергей Васильевич вдруг спрашивает:

– Вы пьете воду?

Заметив мой недоуменный взгляд, он поясняет:

– Извините, волнуюсь, мне надо выпить воды.

Судорожно пьет. Понемногу успокаивается и продолжает свою исповедь:

– Изоляция от общества накладывает свой отпечаток. Закрытое пространство. Узкий круг общения. Нет средств для расширения своего лексикона. Через три года пребывания в Лефортово я вдруг понял, что разучился... говорить! Ко мне приходил адвокат, а у меня язык не поворачивался – в прямом смысле – отвечать на его вопросы. Я спросил адвоката: как мне быть? Он посоветовал нанять репетитора.

– Где, в тюрьме?

– А где же еще.

– Наняли?

– Да, нанял.

– И его пропускали?

– Он приходил под видом адвоката.

Спрашиваю Чатова, чему может научить зона. Отвечает

не задумываясь:

– Зона ничему не научит, если сам не захочешь учиться.

В будущее он смотрит с оптимизмом:

– Я выучил в колонии английский язык. Научился работать на персональном компьютере.

О прошлом говорит безапелляционно:

– В отношении меня был вынесен преступный приговор преступной группой под видом суда. Я не считаю виновным ни себя, ни своих товарищей. Нам хотели доказать сто тридцать эпизодов преступных действий, но вменили (а не доказали) только четыре преступления.

По дороге в ад

Осужденный Владимир Мишин – самая зловещая фигура в колонии. На его счету больше всего убийств. И срок у него тоже самый большой – 25 лет заключения.

Эта дикая история произошла 12 июня 1997 года в городе Грязи Липецкой области. Два патрульных милиционера обратили внимание на компанию молодых людей, пристававших к двум девушкам. Подошли разобраться...

А потом старший патрульной группы Мишин достал пистолет и начал убивать. Убил одного, второго, третьего... Закончились патроны. Сменил в пистолете обойму и убил четвертого. Впоследствии судебно-медицинская экспертиза установит, что милиционер выстрелил каждой жертве в брюшную полость, грудную клетку и... в голову.

Спрашиваю убийцу: за что он так с ними? Отвечает не раздумывая:

– Об этом уже писали в газетах.

Кажется, разговор закончен. Меня предупреждали, что Мишин – замкнутый человек. Редкие письма из дома он сразу рвет. Друзей в колонии не завел. Живет «в одного», как говорят на зоне. Но иногда на него что-то находит, и он покупает «на отоварке» конфеты, а потом раздает их всем желающим: «Угощайтесь, мужики!..» Одним словом, странный тип, о котором можно сказать, что он себе на уме.

И вдруг Мишин произносит:

– Они меня оскорбляли...

– Кто оскорблял?

– Убитые.

– И что же, так сильно оскорбляли, что вы потянулись к оружию?

– Они меня оскорбляли полчаса. Нецензурной бранью. Глаза в глаза. В мой адрес. Я все это сначала терпел.

– Почему вы не сообщили об этом в свой отдел милиции? Вызвали бы кого-нибудь на помощь. Наверняка у вас была рация.

– Даже две рации были: у меня и напарника. Но они, как всегда, не работали. Я был старшим патруля, поэтому дважды отправлял напарника бегать звонить в РОВД³ из телефонной будки. Полчаса мы ждали, что к нам из РОВД кто-нибудь приедет, – не дождались. А когда уже все было кончено, когда я убил их, то через три минуты к нам подъехали сразу три машины, опоздали...

У осужденного Мишина цепкая память. Особенно на свои ощущения:

– Помню, я поразился: оказывается, человека так легко убить! Я раньше об этом никогда не думал. А когда стрелял в них, так быстро все произошло. Достал пистолет, и – бах-бах! – убил. Очень просто. Только свои ботинки потом вытер: мозги убитых разлетелись в стороны... И мне после это-

³ Районный отдел внутренних дел.

го сразу очень легко стало. Думаю, ну вот как здорово все закончилось. Потом на место убийства приехал начальник РОВД, спросил: «Ты пил?» Отвечаю, что нет. Он говорит: «Тогда поехали в больницу – снимать стресс». Я отдал ему пистолет. Помню еще, что начальник РОВД сказал мне: «Все нормально, ты не переживай, если что, я сяду вместе с тобой».

– Сколько всего патронов вы расстреляли из своего пистолета?

– Две обоймы, шестнадцать патронов. В последнего потерпевшего я вообще всадил восемь пуль.

– Зачем так много?

– Потому что он был последним. И я просто разряжал в него обойму. Хотя его, по большому счету, можно было бы и не убивать. Меня оскорбляли только двое из всей компании. Остальные молча наблюдали.

– А раньше когда-либо вам приходилось с ними встречаться?

– Только с одним из них, Царство ему Небесное, пять лет уже гниет в земле. Однажды я выводил его пьяного из бара. Ко мне подошла директор бара, со слезами, и сказала, что он ее оскорбляет. Я подошел к нему, стукнул об стенку мордой и вывел на улицу. Там его подхватили дружки. А потом я встретился с ним 12 июня. Сначала он просто оскорблял меня, а потом стал кричать: «Ну что, стрелять будешь? На, стреляй!»

– Это и спровоцировало вас?

– Нет, не это. В тот момент я еще не собирался стрелять.

– А что же стало переломным моментом в вашем конфликте?

– Они угрожали мне.

– Чем?

– Серьезными неприятностями по службе.

– И это вас задело?

– Да ну, как задело, они вообще в кабинет начальника милиции дверь пинком открывали. Они были своими людьми в его кабинете...

– Откуда вы это знаете?

– Да у нас все это знали, городок-то маленький. Всего пятьдесят тысяч население, как в большом колхозе. Начальник РОВД у них был свой, прокурор – свой, городская администрация – своя. Они делали в городе все, что хотели...

– Чем они занимались?

– Темными делами. Их одно время разрабатывал 6-й отдел по борьбе с организованной преступностью. Но потом на них глаза закрыли и перестали разрабатывать. Я не жалею, что убил их. Но у родственников убитых я попросил на суде прощения. Я сказал в своем последнем слове: «Это, наверное, судьба: так получилось, я убил людей. Кровь можно смыть только кровью. Поэтому прошу применить ко мне смертную казнь». Суд совещался неделю. Меня приговорили к двадцати пяти годам заключения.

– Вас признали вменяемым?

– Да, вменяемым.

– Вы говорили, что сразу после убийства вас отправили в больницу.

– Меня отправили в больницу УВД снимать стресс. Хотя лично мне этого не было нужно, поскольку никакого стресса у меня не было. Я прекрасно себя чувствовал, потому что, когда я убил, у меня гора с плеч свалилась. Через месяц я вышел из больницы, и меня отправили в отпуск. Три дня я успел отгулять. Потом меня вызвал следователь прокуратуры и предъявил обвинение. Психиатрическое обследование мне проводили в областной психбольнице, где я провел сорок пять суток. Потом меня направили на психиатрическую экспертизу в Институт имени Сербского в Москву, там я пробыл двадцать восемь дней. Экспертиза дала ответ на три главных вопроса, интересовавших следствие. Был ли я в момент совершения преступления вменяемым? Да. Совершил ли я преступление в состоянии аффекта? Нет. В данный момент вменяемый? Да.

– Как вели себя на суде родные убитых?

– Сначала все были против меня, а потом некоторые стали уже за меня и даже поддерживали.

– У вас семья была?

– Только сожительница.

– Родители живы?

– Матушке семьдесят восьмой год идет. Когда шло след-

ствие, я сказал ей: «Не ходи ко мне».

– И вы с ней больше ни разу не виделись?

– Один раз виделся. Следовательно предложил выехать на место преступления, провести следственный эксперимент. При этом пообещал, что на обратном пути заедем ко мне домой...

– Заехали?

– Ну да. Повидался с матушкой.

– Домой письма пишете?

– Иногда.

– А из дома – получаете?

– Получаю, но сразу их рву.

– Почему?

– А зачем хранить? Только себя расстраивать.

– У вас есть братья-сестры?

– Сестра есть, тоже иногда пишет письма. А вот родной брат отказался от меня. Я еще когда в больнице лежал, он пришел ко мне и сказал: «Я тут посоветовался с женой и тещей, и мы решили, что ты – убийца. Поэтому мы тебя теперь знать не хотим».

– Брат младше или старше вас?

– Старше. Я самый младший ребенок в семье.

– Могли бы вы вспомнить какой-нибудь случай из детства, поразивший вас на всю жизнь?

– Случай из детства? Ну вот однажды что было. Мы увидели, как возле нашего дома тридцать человек одного били.

Батя выбежал с топором... Когда все разбежались, мы завели избитого к нам, во двор, кровь смыли.

– У вас есть принцип, которому вы следуете всю жизнь?

– Батя говорил мне: «Никогда не связывайся с женщиной, а то сам будешь женщиной». Этот принцип для меня закон.

– С какого времени вы находитесь в колонии?

– Пока шло следствие, я полтора года сидел в СИЗО Липецка. А в колонию меня привезли 31 марта 1999 года.

– Чем в колонии занимаетесь?

– Сиднем сижу... Раньше о колониях ничего не знал, думал, что здесь – лесоповал. А теперь вижу, что делать здесь абсолютно нечего. Вот просто сижу и смотрю в окно. Вон забор, а вон дерево зеленое, за забором. Вдалеке гора, а на ней – дома. Ощущается ностальгия по дому. А вообще, в колонии одна рутина. День прошел, и ладно. Сейчас и на воле так живут. На воле даже тяжелее. Нас кормят, одевают, телевизор смотрим, а КПД от нас – ноль. Вот у меня иск на сто сорок тысяч рублей, должен выплатить родственникам погибших. Они еще ни копейки не получили от меня. Потому что я не работаю: не пускают меня на работу. У нас специальный простойный отряд. И вот мы весь день ходим по локалке, чай пьем, в шахматы играем. Скучно! Одни и те же лица надоедают. Я вообще работать хочу...

– Вы жалеете, что попали сюда?

– Я ни о чем не жалею. Что ни делается, все к лучшему. Другим людям свободнее будет дышать без меня. Так я счи-

таю. Потому что я убил людей. За это и сижу. А вообще я не выдержу двадцать пять лет. На свободе я двадцать лет занимался по системе Порфирия Иванова, был абсолютно здоровым. А сейчас у меня давление поднимается, я стал гипертоником. Потому что здесь низкое атмосферное давление, это сказывается на голове...

Труп на обочине

Свою жертву патрульный милиционер Вадим Чиров убивал сорок пять раз – именно столько ножевых ранений обнаружила судмедэкспертиза на теле погибшего. Но осужденный считает, что в его уголовном деле много смягчающих обстоятельств. Совершению жестокого убийства предшествовала другая драма.

– Семья у меня была полностью благополучная. С женой я жил душа в душу. Ребенок был. Все было нормально. До тех пор, пока я не узнал, что жена мне изменяет.

– Она сама об этом рассказала?

– Получилось так, что с 31 декабря на 1 января я находился на дежурстве...

– Где вы дежурили?

– В отделе милиции, где я работал в патрульно-постовой службе. Когда я вернулся с дежурства, я от своей жены узнал о том, что она встречается с другим мужчиной. Вообще получилось так, что он подъехал на машине к нашему дому, был в нетрезвом состоянии, начал сигналить. Я увидел и... жена сама дальше все уже рассказала. Для меня это был стресс необычайный, до такой степени, что эти ощущения невозможно даже словами сказать. Я испытал шок! Потому что... когда я еще только познакомился со своей будущей женой, у нее была полностью неблагополучная семья. Все ее

родственники не то что пили – это еще будет мягко сказано – а злоупотребляли спиртным. То есть пьянство стояло в семье на первом месте. Видно, от этого у моей жены было полное отвращение к алкоголю. Она не переносила тогда ни алкоголя, ни людей в алкогольном опьянении. Она даже скрывала, что у нее была пьющая семья. Однажды я подарил ей платье, очень дорогое. Потом пришел к ней в гости и узнал, что это платье ее родственники пропили.

– И что же, вас не отпугивала малоприятная перспектива породниться с пьющей семьей?

– Нет-нет, ведь я женился не на всей семье, то есть была девушка... она была нормальная девушка. Мы поженились. Мы жили уже полтора года, она была в положении. И вдруг у нее трагически погибает мать, и потом в течение двух месяцев умирают еще трое родственников – бабушка, дедушка и дядя. И больше у нее никого из близких людей, кроме меня, не было. Поэтому я говорю, что ее связь с другим мужчиной была для меня шоком. Я даже не стал выходить из дома, чтобы разобраться с ним. Потому что я видел, что он пьяный. А разбираться с пьяным человеком – это несерьезно. Потом я увидел, что он уехал. Я побеседовал с женой, и всё – мы разошлись по комнатам. На следующий день она уехала к моей матери за ребенком, потому что Новый год жена встречала с друзьями, с подругами, а ребенок был у моей матери. Когда она вернулась, у нас был долгий разбор полетов, после которого я решил пойти на такой шаг: я встретился с этим

молодым человеком.

– Как вы его нашли?

– Я сказал жене, чтобы она ему позвонила. Он приехал к нам домой. Мы побеседовали. И после нашего такого разговора я решил: хотят жить они вместе – я не буду помехой. И я ушел из дома. Я уехал к своим родителям, но... ежедневно приходил к дочери, общался с ней.

– Сколько дочери было лет?

– Тогда ей было два года. В принципе, с женой я тоже общался. Конфликтов с ней не возникало. Этого молодого человека я не видел. А потом произошла такая ситуация: мы с ним встретились во второй раз, пообщались, и я понял, что за семью нужно бороться. Потому что никакой любви у них не было. Никаких чувств.

– Вы пытались выяснить, чем он оказался лучше вас?

– Не знаю, чем лучше. Обычный парень. Каждый день ездил из Щелкова в Москву, где он работал в пожарной части инструктором по вождению.

– У него была семья?

– Да, была семья: жена и дочь четырех лет. То есть получилось, что разрушаются две семьи. Я пытался это ему как-то объяснить. Он не хотел это понимать. Или не мог понять, не знаю. Вроде человек был неглупый. Потом я пытался поговорить с женой своей. У жены была полная неопределенность. Она не знала... и там ей хотелось, и здесь семья разрушалась. Все-таки мы с ней прожили довольно-таки долгий

промежуток времени. И у нас было очень много общего. Ну а потом произошла наша третья трагическая встреча с этим молодым человеком. Я возвращался после вечернего дежурства домой. Это было около двух часов ночи. И решил дождаться его, попытаться с ним поговорить, чтобы не разрушать семью.

– Откуда вы знали, что он ночью куда-то поедет, да еще по этой дороге?

– Там была только одна дорога. Я знал, что других подъездных путей нет.

– Он должен был ехать к вашей жене?

– Наоборот, от нее. Он должен был возвращаться от нее на своей машине к себе домой. А я на своей машине ждал его на дороге. Он подъехал – я его остановил, предложил побеседовать. Он согласился, но предложил отъехать в другое место, чтобы не загромождать основную дорогу. Мы отъехали в переулок, остановились, и состоялся между нами разговор. Я просил его, чтобы он оставил нашу семью в покое, чтобы не разбивал и не разрушал. Потому что в тот момент все зависело от него. Он сказал, что у него другие планы, и собрался уезжать. Я пытался его как-то остановить, но потом... когда он стоял возле своей машины... то есть он развернулся, а я шел к нему... я смотрю: он уже стоит с ножом. И пока я к нему шел, я до последнего момента не был уверен в том, что он сможет ударить ножом. Потом смотрю, он уже замахивается – удар уже идет в область живота. Я поднял

ногу, он попал мне в коленный сустав. Завязалась драка.

Даже не столько драка, сколько борьба... в снегу оба, февраль был, все так перемешалось, слиплось... ну а потом уже, когда я более-менее пришел в себя и стал контролировать свои действия и что-то соображать, смотрю – он уже мертвый. Оказалось, что я отобрал нож и зарезал его. Потом экспертиза установила, что я нанес ему сорок пять ножевых ранений. Ужас, шок! Я уже шестой год в заключении, но до сих пор не могу найти объяснения такому количеству ножевых ранений. Я сам себя знаю, я – спокойный человек, и вывести меня из состояния равновесия очень трудно. Я по своему характеру неконфликтный человек. И то, что произошло, было для всех моих друзей, знакомых, родных просто шоком. Моей первой реакцией после убийства было скрыть преступление! Тут же рядом стояли его и моя машины... я спрятал его труп, правда... ну, как спрятал, я делал все механически: я взял труп, положил его в багажник...

– В чью машину?

– В его машину. Свою я отогнал на платную стоянку. Машина там всю ночь простояла, это недалеко... И вот я, не знаю почему, но я сел в его машину и поехал... не зная куда... просто сел за руль, и только потом сообразил, что еду в милицию. На чужой машине, с трупом в багажнике! Я ведь каждый день ездил этой дорогой – из дома в отделение милиции, на службу. И, видимо, все получилось автоматически, я поехал туда, куда ездил каждый день и откуда каждый день

возвращался. Видно, за те годы, когда я работал в милиции, дорога от дома до работы настолько отложилась в голове... Я выкинул труп на обочину и бросил машину буквально в ста метрах от милиции. Машина была полностью вся в крови. А труп лежал на обочине недалеко от автобусной остановки. То есть в оживленном месте, где люди постоянно ходят. Потом я пришел в свой отдел. Ребята, конечно, были в шоке: я весь в крови! Спрашивают: «Что случилось?» Я говорю: «Подрался». – «Что нужно сделать?» Я говорю: «Отвезите домой». Они меня отвезли.

– Домой – куда? К жене? Или родителям?

– Нет, я вернулся к жене.

– Она удивилась?

– Да нет, наверное... не сильно удивилась. Ей было все равно.

– Все равно, что ваша одежда в крови?

– Я сказал ей то же самое, что в милиции: подрался. А на следующий день обратился в больницу: у меня было проникающее ножевое ранение в коленный сустав. Мне дали больничный, и я провел дома три дня.

– Кошмары не снились?

– Н-нет... не снились. Впрочем... мне пришлось пережить один очень неприятный момент. К нам домой приехали мать и сестра убитого, они искали его. Это было на второй день после убийства. Я лежал в комнате, слышу, звонок в дверь. Жена открыла, с кем-то разговаривает. А потом в

комнату зашла мать убитого и спрашивает меня, знаю ли я, где он может быть. И я не смог ответить ей, что это я убил ее сына. Сказал, что не знаю, давно не видел его.

– Почему она пришла искать сына именно к вам? Она знала, что он встречался с вашей женой?

– Да, у нас город маленький, все обо всех всё знают... она и меня знала.

– Как раскрыли это преступление?

– Через три дня я сам пришел в отдел милиции и написал явку с повинной. Я уже говорил, что был на больничном и ко мне приехали ребята с работы проводить меня. Я говорю им: поехали в отдел. Они привезли меня, я зашел к начальнику уголовного розыска нашего управления. И написал явку.

– Родные погибшего были на суде?

– Да, в качестве потерпевшей стороны. Мать убитого называла меня убийцей, подонком, сволочью. Понять ее можно.

– А его жена была на суде?

– Да, жена приходила на суд. Когда судья спросил ее: «Ваше отношение к подсудимому», ее ответ был для меня очень интересен. Она на меня посмотрела и говорит: «К подсудимому у меня вообще претензий нет. Они, мужчины, разобрались. Что произошло, то произошло». И вот я в колонии... Жены у меня уже точно нет, она вышла замуж. А вот ребенок остался, дочке сейчас семь лет. Мои мать, отец и сестра с ней регулярно общаются, и девочка знает, что у нее есть папа.

– Случившегося не исправишь. Оглядываясь назад, какие вы делаете выводы?

– Задним умом все сильны... Конечно, в будущем я бы ушел от такой ситуации, но... в тот момент я думал, что бо-ролся за свою семью! Понимаете?! А сейчас все перекипело, сейчас я думаю иначе: захотела жена так поступить – скатер-тью дорога... Если вмешиваться, то себе же выйдет дороже. Но это я сейчас осмыслил, а тогда... пускай это будет лю-бовь. Молодые годы, горячая кровь.

– Можно в будущем зарекаться от совершения преступ-ления?

– Нельзя. Не получится ни на что не реагировать. Человек, который не переживает, это психически больной. Какие-то чувства все равно должны быть: к матери, детям, друзьям. Ну как не переживать? Надо переживать! Может ли повто-риться такая ситуация в будущем? Может. Но... каждый че-ловек поступит так, как ему душа велит. Кто-то сможет раз-вернуться и уйти. Наверное, если повторится подобная си-туация, я тоже... просто уйду.

– Ценнее человеческой жизни ничего нет. Задумывались вы над тем, что по вашей вине нет другого человека, а вы живете?

– Если подойти с религиозной точки зрения, то, конеч-но, это грех – убийство. А если с другой стороны – Бог су-дяя всем, на том свете рассудят нас: кто был прав, кто вино-ват. Это убийство совершил я... Суд посчитал, что убийство

произошло на почве ревности. Бытовое убийство... Сначала, конечно, у меня был стресс. Как сейчас я к этому отношусь? Да, виноват. В том, что лишил другого человека жизни. Никакое сильное чувство – любовь, ревность – не стоят того, чтобы из-за этого лишать жизни. Единственное... за мать... Я в зоне сделал вывод: в этой жизни человека может поддерживать только мать. Каким бы ее ребенок ни был. Это ее кровь и плоть. И ради матери, я считаю, можно лишить жизни... если потребуют обстоятельства. Я попал в зону, и все отвернулись от меня, а мать осталась. Вот как в жизни бывает.

– До зоны вы представляли, что такое колония?

– Нет. Это сейчас детективы пишут, а раньше тема была закрытой. Когда меня везли в СИЗО, была неопределенность: что ждет завтра? Вошел в камеру, и сильно удивился: здесь было много знакомых, тоже бывших сотрудников. Я жил в городе и не знал, что они сидят. Сразу поговорили. Мне объяснили, какие здесь порядки. А дальше, можно сказать, жизнь пошла своим чередом. Человек, как сказал один ученый, это такое существо, которое привыкает ко всему. И к тюрьме человек привыкает. Я себя не пытаюсь оправдывать. Знаю, что совершил преступление. Знаю, за что сижу. Единственное, с чем я не согласен, – со сроком наказания. Потому, что когда меня судили в первый раз, у меня был срок десять лет общего режима... Ведь было два суда. Первый раз меня осудили ровно через три с половиной месяца после ареста. И приговор огласили на мой день рождения.

Потом была отмена. Отменил приговор председатель Московского областного суда. В связи с необоснованностью доводов суда. Оказалось, много чего не учли во время судебного заседания. Например, что возбуждалось уголовное дело против потерпевшего по статье 111-й, за нанесение тяжких телесных повреждений – ножевое ранение, которое он мне нанес. Этого не учли. Явку с повинной тоже не учли. А через два года был новый суд, все учли, нашли новое смягчающее обстоятельство – это активную помощь следствию, правда, явку с повинной не признали как смягчающее обстоятельство, и вынесли новый приговор – десять лет строгого режима. То есть срок оставили прежним, а поменяли режим. В нашем законодательстве существует понятие о презумпции невиновности, когда все обстоятельства, не доказанные по уголовному делу, должны трактоваться в пользу подсудимого. Но эта система – презумпция невиновности – у нас никогда не работала. И не работает. Я был свидетелем совершенно дикого, абсурдного случая. В одной камере со мной в СИЗО сидел абсолютно невиновный человек, который, тем не менее, получил девять лет общего режима. Правда, потом сократили до семи лет, но все равно он сидит. А за что? Он был экспедитором. Свою квартиру сдал знакомому. А когда приехал, в квартире – труп, еще теплый. Вызывает милицию. Приезжают, заводят уголовное дело. Квартира была на третьем этаже, а вот сосед на пятом этаже, оказывается, слышал, что у потерпевшего произошло внутреннее кровоизлияние.

На основании чего следствие делает сногсшибательный вывод: ножевые ранения потерпевшему нанес... хозяин квартиры. Я сам читал это в приговоре. Там было указано, что потерпевший был убит с девяти до одиннадцати часов вечера. Но еще один сосед видел, как убитый выводил собаку в два часа ночи, то есть через три часа после своей смерти. И подобные «факты» фигурировали в уголовном деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.